

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию
Кирилла Александровича Маслинского

«Дисциплина в школьной повседневности 1950-х – 1980-х гг.: опыт социально-антропологического исследования (на материале российского провинциального города и села)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 - этнография, этнология, антропология.

Актуальность исследования российских школьных дисциплинарных практик 1950-х – 1980-х годов, предпринятого К.А. Маслинским, связана, в первую очередь, с динамикой осмыслиения «советских опытов», которую можно наблюдать как в исторической науке, так и в острых общественных дискуссиях. Множественность и конфликтность «обобщающих» научных интерпретаций объективно обусловлены разновекторностью процессов, связанных с политическими и социально-культурными сдвигами на протяжении советского периода, а также, не в меньшей степени – с многообразием реальных локальных практик и особенностями практиковавших субъектов: местных органов управления, организаций, общностей и личностей, действующих в рамках культурных традиций.

В диссертации методологически обосновано обращение к повседневности второй половины XX века на основе ее ретроспективного осмыслиения постсоветскими носителями советских традиций (социализированными в указанный период).

Теоретическая значимость данной работы обусловлена поворотом в изучении феномена дисциплины от институционального ракурса (связывающего дисциплину с механизмами государственного контроля и противодействия ему) к антропологическому. К. А. Маслинский обращается к вопросам культурной обусловленности дисциплинарных практик, культурным ролям тех, кто эту деятельность реализует, и конкретным сообществам, школам, в социальном пространстве которых она осуществляется.

Одним из главных результатов исследования является аргументированное доказательство «существования школьной дисциплинарной традиции, независимой от советской образовательной политики» (диссертация, с.202). Диссертация убеждает в том, что эта традиция, с одной стороны, не является национально специфической, с другой стороны, опирается на семейные и локальные культурные модели.

Диссертант справедливо обращает внимание на то, что наименее изученными остаются универсальные черты повседневности массовых, непривилегированных советских школ. Известные труды по истории советской повседневности привлекают такой материал фрагментарно и в соответствии с иными целями. Можно полностью согласиться с мнением К. А. Маслинского, что именно учитель является «активным носителем и исполнителем дисциплинарной традиции, который в своей повседневной работе воспроизводит и варьирует дисциплинарный канон» (диссертация, с. 16), и у него есть пространство выбора, определяемое культурными моделями. Будучи заданы институционально, в повседневной реализации «дисциплинарные практики выступают для учителя не столько инструментом контроля, сколько средством манифестиации конфликтов, утверждения идентичностей, оформления эмоций, и, в конечном итоге, служат тем культурным языком, который позволяет учителю найти одобряемый школьным сообществом ответ на вызовы ситуаций, которые воспринимаются как нарушение писанных и неписанных школьных норм» (диссертация, с.204).

Отмечу четкость определения и обоснования выбора объекта, предметной области, хронологических рамок, цели и задач работы, ее методологических принципов и инструмента исследования (категорий и описательных процедур), а также положений, выносимых на защиту.

В работе последовательно реализуется методологический подход, в соответствии с которым дисциплина определяется через дилемму нормы и дисциплинарного процесса, природа дисциплинарного порядка в школе рассматривается в динамике, утверждается культурная обусловленность школьных дисциплинарных конфликтов и применяется соответствующий инструмент при описании дисциплинарных практик (диссертация, с.47).

Высокую степень достоверности результатов работы обеспечивает привлечение широкого круга источников различных видов – полевых, архивных и опубликованных. Это большой корпус текстов интервью, организационно-распорядительные и другие внутренние документы из школьных архивов, печатные инструкции образовательных ведомств, методическая и педагогическая литература изучаемого периода. Школьная дисциплина рассматривается на двух уровнях – нормирования и реализации, поэтому автор распределяет источники на две категории: с одной стороны, официальные нормативные документы и

литература, с другой стороны, воспоминания учителей и учеников и документы, сопровождавшие школьную повседневность.

Следует отметить композиционную стройность диссертационного сочинения.

Историография проблемы и теоретические основания исследования рассматриваются в первой главе: «Школьная дисциплина в социальных исследованиях». Эта часть диссертации впечатляет обширностью изученного материала (преимущественно англоязычного), глубиной анализа современных антропологических и социологических концепций и основных объяснительных моделей дисциплинарных практик, корректностью их сопоставления, оценки научного резонанса (разделы 1.2.1 «Культурное и социальное воспроизведение», 1.2.2 «Сопротивление», 1.2.3 «Власть и надзор», 1.2.4 «Авторитет»). В результате К.А. Маслинский обосновывает и формулирует понимание дисциплины, взятое за основу в данном исследовании (раздел 1.2.5). Рассматривая этнографические труды, в которых в тех или иных ракурсах затрагивались проблемы функционирования школьного дисциплинарного пространства, диссертант приходит к аргументированному заключению о том, что «можно искать направления для обобщения не в наборе практик, а в тех принципах, в соответствии с которыми внутришкольные социальные ресурсы и отношения задействуются для оформления и разрешения дисциплинарных конфликтов» (диссертация, с.74).

Научное значение и новизна диссертации во многом определяются тем, что автор разработал новационную методику исследования. В соответствии с ней предложены, соотнесены с употребительными понятиями и операционализированы ряд категорий анализа («точки контроля», «дисциплинарное действие», «дисциплинарный ответ» и другие), начиная с обоснования понятий «школьная дисциплина» и «дисциплинарные практики». В целом, внимание в диссертации сосредоточено на конструировании языка описания дисциплинарных практик, а не на самом их описании, что не расходится с задачами исследования.

Глава 2, «Сфера дисциплинирования и требования к учащимся», посвящена нормативным правилам поведения школьников, которые закреплялись в инструктивных текстах, поступавших из «центра», и воспроизводились с вариациями или без таковых в регламентирующих документах отдельных школ (раздел 2.2). Предложена рабочая классификация правил по признаку сферы принадлежности объекта дисциплинарного контроля. Сфер выделено четыре: ситуативная, телесная, коммуникативная, предметная (диссертация, с.101-102).

На основании сравнительного анализа документов сделан вывод о том, что «дисциплинарное лицо» школы проявлялось во внимании к деталям, выраженному в их проработке в правилах (диссертация, с. 111), в целом же, канон был очень устойчив. Дополнить и конкретизировать область регулирования позволили сведения, почерпнутые из интервью с бывшими учениками и учителями советских школ (раздел 2.3). На их основании выявились категории «неписанных правил», относящихся к сфере советской морали, гендерно специфических и связанных с усиленной регламентацией внешнего вида как учеников, так и учителей (скорее, учительниц).

В главе 3, «Дисциплинарные практики: наказания и меры воздействия», выделены общие принципы, описывающие способы действия, доступные советским учителям в дисциплинарной ситуации: «дисциплинарный ответ» (раздел 3.3), «делегирование наказания другим дисциплинарным агентам» (раздел 3.4), «использование позора в качестве инструмента давления» (раздел 3.5), «физическое исключение школьника из контролируемого учителем пространства» (раздел 3.6). Глубиной проработки отличаются разделы, посвященные позорящим наказаниям и их ритуализованным формам, особо отмечу анализ педсовета как ритуального мероприятия и совокупности дискурсивных приемов.

Аналитическая схема, инструментарий, выводы представлены в «эмпирической части» (главах 2 и 3) безусловно. Вместе с тем отказ от «инвентаризации» практик, целиком и полностью оправданный целью, задачами диссертации и избранной методологией, к сожалению, не позволяет в полной мере использовать потенциал цитируемых текстов в представлении вариативности дисциплинарных действий и сценариев, их ретроспективных оценок и интерпретаций.

Для достижения цели данной работы очень значим исторический аспект. Автор достаточно подробно рассматривает историю оформления и использования правил поведения в досоветский и советский периоды (раздел 2.1), историю отмены и возвращения школьных наказаний (раздел 3.1), историю позорящих наказаний (раздел 3.5.1). Эти разделы очень содержательны, хорошо документированы и выполнены с учетом историографии.

В целом, диссертация К.А. Маслинского вносит существенный вклад в развитие теории и методов исследования дисциплинарных практик, их историографию, в антропологию образования, историю повседневности и ряд других областей знания.

Научно-практическое значение диссертации очевидно в контексте современной ситуации в российском образовании. Реформирование системы образования с устойчивой тенденцией к его прагматизации приводит к переоформлению статусно-ролевых отношений между субъектами образовательного процесса (учителями, учащимися, администраторами, родителями), изменению их установок и мотиваций. Ответы на вопросы о том, меняются ли в этих условиях поведенческие стратегии учителей и как ониказываются на результатах школьного образования и воспитания, требуют глубокого анализа сущности и социально-культурных особенностей функционирования школьного дисциплинарного пространства. Представленные в диссертации теоретические основания, методы и аналитические заключения могут быть использованы при изучении практик дисциплинирования на разных уровнях системы образования.

Диссертация вводит в научный оборот новые полевые и архивные источники, а также включает в расширенное научное пространство большой пласт англоязычной исследовательской литературы, знакомой лишь узкому кругу специалистов.

Замечания к тексту имеют рекомендательный, уточняющий или формальный характер.

В «программной части» диссертации и автореферата при описании источников было бы желательно четче определить круг и число респондентов, у которых взяты интервью (диссертация, с. 12): кем являются оставшиеся 70 человек (=158-88) из основного состава опрошенных, какие социальные категории представляют 76 дополнительно проинтервьюированных выпускников школ – не учителей? Это имеет смысл, поскольку помогает показать наличие или отсутствие зависимости между содержанием воспоминаний и социальными характеристиками информантов, дополняющими сведения о гендерной принадлежности (о ней можно судить по атрибуции цитат в тексте).

В разделе 3.5.1 «Краткая история школьного позора» в группировке позорящих ритуалов не вполне корректно сформулирована позиция 4 – «вербальное и символическое унижение» (диссертация, с.166): во-первых, все эти формы являются символическими, во-вторых, в данной группе приведены примеры унижений, различающихся в инструментальном отношении.

В тексте есть техническая ошибка: количество позиций в списках источников (86) и литературы (239) не совпадает с тем, которое указано во введении (диссертация, с.19) и на одну позицию расходится с указанным в автореферате (автореферат, с.16).

Автореферат полностью отражает содержание диссертации и выполнен с соблюдением установленных требований. Исследование прошло необходимую аprobацию: по теме опубликовано 11 работ, в том числе 4 в изданиях, рекомендованных ВАК.

Диссертация К. А. Маслинского «Дисциплина в школьной повседневности 1950-х – 1980-х гг.: опыт социально-антропологического исследования (на материале российского провинциального города и села)» по актуальности проблематики, научной новизне, теоретическому уровню, практической значимости полностью удовлетворяет требованиям пп. 9-10 «Положения о присуждении ученых степеней», предъявляемым ВАК Минобрнауки России к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор К. А. Маслинский заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 - этнография, этнология и антропология.

Официальный оппонент –
доктор исторических наук
главный научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона
ФГБУН Кольский научный центр РАН
184209 Мурманская обл., г. Апатиты, мкр. Академгородок, 40-а
Тел.: +7 9212858995 (irinnarazumova@yandex.ru)
Ирина Алексеевна Разумова

И.А. Разумова

Подпись И. А. Разумовой
по месту работы удостоверяю

Заместитель начальника общего отдела
КНЦ РАН

• 20. 10

Л. В. Коструб
2017 года